

Е. С. Фидря, О. О. Фидря

УСТОЙЧИВОСТЬ КУЛЬТУРНЫХ УСТАНОВОК ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В ОТНОШЕНИИ РИСКОВ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МОДЕЛИ «ГРУППА / РЕШЕТКА»

106

Исследование посвящено эмпирической проверке модели «группа / решетка» применительно к актуальной проблеме восприятия экологических рисков локальным сообществом (на примере разработки месторождения калийных солей в пос. Нивенское Калининградской области). Проверяется, насколько структура теоретически прогнозируемых культурных типов (иерархисты, эгалитаристы, индивидуалисты, фаталисты) воспроизводится в структуре культурных предпочтений локальных сообществ. Анализируются и тестируются несколько шкал, обосновывается применение двух из них для измерения различных параметров. Показано применение оригинальной методики для оценки устойчивости культурных типов в условиях интенсивной коммуникации, сделан статистически обоснованный вывод об устойчивости культурных установок респондентов. При помощи факторного анализа сравнивается структура эмпирически наблюдаемых взаимосвязей между различными утверждениями, составляющими целостные культурные типы. Выделено пять факторов, три из которых в целом соответствуют по своим наборам переменных теоретически сконструированным культурным типам – «иерархистскому», «эгалитаристскому» и «индивидуалистскому», один смешанный «патерналистский» фактор (демонстрирующий черты иерархического и эгалитаристского типа) и один менее выраженный «антиэтатистский» фактор, демонстрирующий черты индивидуалистского типа, однако не задающий четкого группового этоса.

The study focuses on the empirical test of the grid/group model applied to the actual perception of the environmental risks by the local community (the case of the potassium mine development in the village of Nivenskoe, the Kaliningrad region). It tests to what extent the structure of the theoretically constructed cultural types (hierarchical, egalitarian, individualist, fatalist) being reproduced within the structure of the cultural preferences of the local communities. Different scales are being analyzed and tested, the application of the two of them is proven to be good for measuring various parameters. An original methodology is being applied for the assessment of the cultural types consistency in intense communication. The authors give a statistical account for the consistency of the cultural attitudes of the respondents. Using factor analysis, we compare theoretical presuppositions with empirically observed interconnections between cultural types statements. Out of five factors which have been distinguished, three generally correspond to the theoretically constructed cultural types in their set of variables – hierarchical, egalitarian and individualist, one for the mixed paternalist factor (manifesting features both of hierarchical and egalitarian types) and one less expressed anit-ethatist factor (expressing some features of individualist type but not setting any fixed group ethos).

Ключевые слова: культурные типы, культурные установки, Калининградская область, риск-коммуникация, группа / решетка, культурная теория рисков, локальное сообщество.

Keywords: cultural types, cultural attitudes, Kaliningrad region, risk communication, grid-group, cultural risk theory, local community.

Введение

В 2012 г. в Калининградской области начались поисково-оценочные работы по изучению запасов калийно-магниевых солей, залегающих на территории Нивенского сельского поселения (Багратионовский городской округ), к концу 2014 г. разведочные работы были завершены – началась подготовка месторождения к разработке.

Уже в середине 2014 г. тема разработки будущего месторождения стала активно обсуждаться в региональном общественном поле: были проведены публичные слушания с приглашением местных жителей, НКО экологического профиля, ученых и представителей власти, появились первые публикации в местных СМИ. Несмотря на то что реализация проекта обещала значительные инвестиции в экономику не только региона, но и муниципального образования, серьезное обновление транспортной и социальной инфраструктуры, появление новых рабочих мест и другие блага, практически сразу стали подниматься и вопросы, связанные с потенциальными рисками разработки месторождения.

Жители поселка опасались потенциальных угроз, связанных с загрязнением почвы, воды и воздуха, нанесением ущерба экосистеме района и здоровью населения, чрезмерной близостью месторождения к поселку, что чревато неудобствами от сильного шума и вибрации, а также того, что извлечение полезных ископаемых приведет к возникновению глубокого провала, который создаст прямую угрозу жизни населения. Приводились негативные примеры последствий разработки других соляных месторождений. Ставились под сомнение и экономические выгоды реализации проекта – жители опасались, что на работу предприятие будет нанимать только специально привезенные кадры, а перечисленные угрозы снизят стоимость их жилья и не позволят им продать его и переехать на другое место жительства.

Несмотря на все уверения компании-разработчика в том, что в их проекте все возможные риски учтены, напряжение продолжало нарастать, и в поселке довольно быстро образовалась инициативная протестная группа, которая создала сайт и группы в социальных сетях, где аккумулировала публикации по проблеме, публиковала петиции, формировала дискуссионные площадки. Группа проводила общественные акции, вела наглядную агитацию и привлекла к себе достаточное внимание – в том числе и региональных СМИ. Представители компании-разработчика, в свою очередь, подозревали некоторых лиде-

ров группы в особых материальных и политических интересах. Действительно, некоторые из них выдвигались на выборы в законодательные органы различного уровня, но проиграли, после чего несколько снизили свою общественную активность. В итоге можно признать, что риск-коммуникация с локальным сообществом по поводу разработки данного проекта протекала сложно и успешно сложилась далеко не со всеми группами.

В целом экологические риски являются актуальной и чувствительной темой, остро воспринимаемой той локальной общностью, которая рассматривает себя как объект риска, что может вызвать социальную напряженность и даже общественные протесты, повлечь за собой политические и экономические издержки. При этом простое «разъяснение» технических и научных аспектов проблемы населению не является убедительным решением, поскольку участники коммуникации не рассматриваются друг другом как нейтральные субъекты высказываний, а восприятие и конструирование проблемы и действий участников коммуникации зависят от их положения в социальном пространстве, культурных и политических установок.

Проблема состоит в том, что в настоящее время не существует достаточного понимания механизмов влияния на процессы риск-коммуникации конфигурации социального пространства локального сообщества и агентов коммуникации, которые занимают как гомологичные, так и антагонистические позиции, что не может не воздействовать на формирование воспроизводимых ими установок по отношению к рискам.

В рамках данной работы мы предлагаем частично решить данную проблему путем раскрытия структуры локального сообщества, а также структурных позиций и культурных установок участников коммуникации, как и степени их устойчивости.

Теоретико-методологические установки

В данной работе мы следуем культурной теории риска, а точнее — предложенной М. Дуглас [1; 2] модели «решетка / группа» (grid-group model), которая в основе своей является структуралистской попыткой описать зависимость отношения к риску как один из способов социальной организации.

«Группа» и «решетка» являются своеобразными осями в системе координат, отражая некие «идеальные типы» логики восприятия риска и социальной организации. Ось «группа» соединяет два идеальных «полюса» — сильный групповой этос и слабый групповой этос, выражающие высоту барьера, который группа воздвигает между собой и окружающим миром. Общества с сильным групповым этосом делают акцент на групповой сплоченности и строго отделяют «своих» и «чужих», в то время как слабый групповой этос отличается индивидуализированностью и слабыми внутригрупповыми связями.

Ось «решетка» отражает вопросы власти и контроля поведения членов сообщества, связанные не только с членством в группе, но и с другими структурными факторами (класс, этничность, гендер). Индивиды в группах с сильным контролем подвергаются большому числу культурных ограничений, а со слабым — меньшим.

На основании этих двух осей выделяются четыре идеальных типа культур и, соответственно, четыре типа подходов к риску:

1) «иерархисты» (сильная группа и сильная решетка), которые уважают власть, сильно привержены групповым нормам и ожиданиям относительно риска и доверяют институтам;

2) «эгалитаристы» (сильная группа и слабая решетка), которые сильно отождествляют себя с группой и в рисках винят «чужаков», а также склонны к недоверию по отношению к нормам, устанавливаемым извне, и поддерживают социальное равенство и подход к коллективному разделению риска;

3) «индивидуалисты» (слабая группа и слабая решетка), отличающиеся индивидуализмом и предприимчивостью, поддерживают саморегуляцию риска, доверяют скорее индивидам, чем организациям, отвергая внешние ограничения, верят в рыночные силы, а риски рассматривают не только как источник опасностей, но и как возможность получения выгод;

4) «фаталисты» (слабая группа и сильная решетка), чьи группы отличаются слабой сплоченностью, но сильно ограничены в своем поведении и склонны полагаться на удачу и судьбу в отношении риска, считая, что мало его контролируют.

Данную модель критикуют за жесткость, статичность и неспособность учесть тот факт, что социальные субъекты обычно переключаются между различными режимами оценивания, а не принадлежат какому-то одному из них [9; 12]. Тем не менее ее важное достоинство состоит в том, что она представляет риск не как что-то объективно данное и независимое от наблюдателя, а как явление, подвергающееся культурной оценке и зависящее от восприятия. Так или иначе, данная модель дает основу для исследования культурных локаций, в рамках которых риск концептуализируется и регулируется в соответствии с конкретными социокультурными установками.

С помощью данной модели в этой статье мы попытаемся ответить на два основных вопроса: являются ли культурные предпочтения членов локальных сообществ устойчивыми и сохраняются ли они после вовлечения субъекта в групповую коммуникацию? Соответствуют ли культурные предпочтения локального сообщества структуре теоретически описанных культурных типов?

Ответы на данные вопросы получены в ходе фокус-групповых исследований и массового опроса населения г. Калининграда и пос. Нивенское, проведенных в июне-августе 2019 г. Каждая из 6 фокус-групп включала в себя 8–10 жителей (по примерно равному числу представителей каждого пола) пос. Нивенское или г. Калининграда в трех возрастных группах: 18–30; 31–50; старше 50 лет — всего 54 человека.

Массовый опрос проводился поквартирно методом личного интервью среди жителей старше 18 лет, постоянно проживающих по месту жительства, из расчета один респондент в домохозяйстве. Выборка квотная, репрезентативная по половозрастной структуре населения. В г. Калининграде было опрошено 1000 респондентов, в пос. Нивенское – 300 респондентов.

Устойчивость культурных предпочтений

Для ответа на второй вопрос мы внесли дополнительную процедуру в проведение фокус-групповых дискуссий: перед проведением фокус-группы и по ее окончании всем участникам раздавались опросные листы с одним и тем же содержанием: описанием каждого из четырех базовых культурных предпочтений по шкале, предложенной Х. Дженкинсом-Смитом и его коллегами [13; 14], и предложением оценить эти утверждения в отношении себя по шкале от -3 до +3 (где -3 – «совсем не похоже на меня»; +3 – «очень похоже на меня»). Таким образом, участники могли провести самооценку близости того или иного культурного типа своим личным предпочтениям до того, как вступили в коммуникацию с остальными участниками группы, а также измерить степень согласия с теми же установками (и в той же формулировке) уже после общения.

Оценки до и после фокус-групповой дискуссии можно рассматривать как зависимые выборки, поскольку они получены на выборке одних и тех же респондентов путем повторного измерения одних и тех же параметров. Соответственно, для сравнения устойчивости культурных предпочтений мы воспользовались t-критерием для зависимых выборок, где парами переменных выступили оценки близости культурных типов до (ВНПЕ, ВИНД, ВЕГА и ВФАТ) и после дискуссии (АНПЕ, АИНД, АЕГА и АФАТ) (табл. 1).

Таблица 1

Статистика парных выборок

Переменные		Среднее	N	Среднеквадратичное отклонение	Среднеквадратичная ошибка среднего
Пара 1	ВНПЕ	1,98	54	1,486	,202
	АНПЕ	2,04	54	1,273	,173
Пара 2	ВИНД	1,59	54	1,879	,256
	АИНД	1,69	54	1,646	,224
Пара 3	ВЕГА	,93	54	1,951	,265
	АЕГА	1,15	54	1,966	,268
Пара 4	ВФАТ	-,17	54	2,108	,287
	АФАТ	-,17	54	1,921	,261

Как мы видим, средние значения по оценке близости культурных предпочтений отличаются до и после дискуссии для трех пар перемен-

ных из четырех (кроме «фатализма»). Однако насколько значимы эти различия и можно ли считать устойчивыми предпочтения участников фокус-групп?

Таблица 2

Корреляции парных выборок

Переменные		N	Корреляция	Значимость
Пара 1	BHIE & AHIE	54	,778	,000
Пара 2	BIND & AIND	54	,891	,000
Пара 3	BEGA & AEGA	54	,795	,000
Пара 4	BFAT & AFAT	54	,883	,000

111

Как мы видим из таблицы 2, все пары демонстрируют сильную и статистически значимую корреляцию между собой, указывающую на то, что между оценкой своих предпочтений до и после дискуссии существует статистически значимая сильная связь.

При этом различия между средними значениями в парах культурных предпочтений оказались статистически незначимыми (табл. 3) — то есть недостаточными для того, чтобы говорить о том, что участие в дискуссии значительно повлияло на культурные предпочтения респондентов. Таким образом, выявленные культурные предпочтения следует признать устойчивыми.

Таблица 3

Критерий парных выборок

Переменные	Парные разности					Т-критерий	Степени свободы	Значимость (двухсторонняя)	
	Среднее	Среднеквадратичное отклонение	Среднеквадратичная ошибка среднего	95% доверительный интервал для разности					
				Нижняя	Верхняя				
Пара 1	BHIE – AHIE	–,056	,940	,128	–,312	,201	–,434	53	,666
Пара 2	BIND – AIND	–,093	,853	,116	–,325	,140	–,798	53	,428
Пара 3	BEGA – AEGA	–,222	1,254	,171	–,564	,120	–1,302	53	,198
Пара 4	BFAT – AFAT	,000	,991	,135	–,270	,270	,000	53	1,000

Однако при измерении устойчивости культурных предпочтений по разным шкалам среди участников фокус-групповых исследований мы обнаружили тот же эффект, который ранее описывался множеством исследователей [3; 10; 11], пытавшихся напрямую применять оригинальную типологию М. Дуглас и А. Вильдавского и методику К. Дейка: при измерении выраженности предпочтений по каждой шкале в отдельности респондент может демонстрировать противоречивые предпочтения — например, быть одновременно «иерархистом» и «индивидуалистом» или «индивидуалистом» и «эгалитаристом». И как мы уже обнаружили, даже групповая дискуссия, которая могла бы вскрыть

внутренние противоречия первоначальных установок и заставить респондентов четче артикулировать свою позицию, не меняет кардинальным образом их сложившиеся установки — они остаются практически теми же, что и были ранее. Дэн Кахан полагает, что корень проблемы лежит именно в том, что предлагаемые шкалы фактически измеряют каждый компонент отдельно, не выражая концептуальных противоречий между ними [8], и вместе с коллегами он предложил фактически новый подход к измерению культурных предпочтений в отношении рисков, впоследствии получивший название «теория культурно обусловленного познания» (*cultural cognition theory*) [4]. Принципиальное отличие данного подхода от предыдущих методов измерения состоит в том, что здесь две оси, лежащие в основе дифференциации культурных установок (*grid* и *group*) операционализированы именно в виде континуальных шкал с двумя полюсами, по отношению к которым респондент должен определить свою позицию, отвечая на вопросы о степени согласия с предлагаемыми утверждениями [8]. Таким образом, респондент последовательно обозначает свою позицию на двух шкалах: «иерархизм — эгалитаризм», отражающей установки по отношению к «вертикальной» шкале «*grid*» («решетка»), и «индивидуализм — коммунитаризм», отражающей доминирующий взгляд на слабую или сильную «горизонтальную» сплоченность группы («*group*»). Будучи протестирована на национальной выборке в США, данная методика показала довольно высокий уровень статистической надежности [5—8]. В массовом опросе населения г. Калининграда и пос. Нивенское при оценке культурных установок локальных сообществ мы использовали именно те измерительные инструменты, которые предлагаются теорией культурно обусловленного познания.

Эмпирическая оценка культурных установок локальных сообществ

Для проверки, насколько структура реальных культурных установок соответствует теоретическому распределению по шкалам «иерархизм — эгалитаризм» и «индивидуализм — коммунитаризм», воспользуемся факторным анализом.

Значения меры адекватности выборки Кайзера — Майера — Олкина составила 0,698 при статистической значимости критерия сферичности Бартлетта $p < 0,001$ для обеих подвыборок, что позволяет признать применение факторного анализа статистически правомерным. Факторы выделялись методом главных компонент, полученная матрица затем подвергалась вращению методом Варимакс, вращение сошло за 7 итераций.

Согласно полученной повернутой матрице компонент, полностью итоговая структура факторов не совпала с теоретической конструкцией: статистическая связь между реальными отдельными переменными (вопросами-утверждениями) оказалась несколько сложнее. Однако и утверждать, что распределение переменных по факторам не поддается логике культурного подхода, также неверно. Рассмотрим результаты факторного анализа подробнее.

Было выделено 5 факторов (процент суммарно объясненной дисперсии составил 45,2 %). Из 18 переменных пять не вошли ни в один из выделенных факторов, поскольку их связь с другими переменными оказалась слабее заданного нами порога в 0,5 (табл. 4).

Таблица 4

Факторный анализ – повернутая матрица компонентов

Переменные	1	2	3	4	5
(Е) Общество стало бы лучше, если бы материальные блага распределялись более равномерно	0,691				
(Е) Нам необходимо резко сократить неравенство между богатыми и бедными, людьми разных наций и полов	0,632				
(С) У людей должна быть возможность рассчитывать на помощь государства, когда это им необходимо	0,581				
(Н) Кажется, что преступникам и мошенникам все сходит с рук, в то время как порядочные граждане платят по счетам	0,567				
(Н) Большинство проблем в обществе возникает из-за отхода от традиционной модели семьи, где мужчина работает, а женщина остается дома		0,668			
(Н) Мы слишком далеко зашли в продвижении равноправия в нашей стране		0,652			
(Н) Общество в целом стало слишком мягким и женоподобным		0,599			
(I) Наше государство пытается сделать слишком много для слишком многих людей					
(I) Правительственные постановления почти всегда являются пустой тратой времени и денег			0,705		
(I) Государство должно перестать диктовать людям, как им жить			0,597		
(С) Обязанность общества – обеспечить удовлетворение основных потребностей каждого					
(Е) Дискриминация в отношении различных меньшинств является очень серьезной проблемой в нашем обществе				0,739	
(Е) Родители должны учить маленьких мальчиков быть более чуткими, менее грубыми и жесткими				0,562	
(С) Правительство должно ограничить выбор, который могут делать люди, для достижения общих целей					
(I) Свободные рынки, а не государственные программы, являются лучшим способом обеспечения людей необходимыми им вещами					
(Е) Мы живем в обществе, которое основано на дискриминации и угнетении женщин					
(I) Мы должны позволить людям самим о себе позаботиться					0,735
(I) Индивидуальная прибыль – главная мотивация для усердной работы					0,549

Фактор 1 составили переменные «Общество стало бы лучше, если бы материальные блага распределялись более равномерно» (Е), «Нам необходимо резко сократить неравенство между богатыми и бедными, людьми разных наций и полов» (Е), «У людей должна быть возможность рассчитывать на помощь государства, когда это им необходимо» (С) и «Кажется, что преступникам и мошенникам все сходит с рук, в то время как порядочные граждане платят по счетам» (Н). Таким образом, первый фактор оказался в основном сформирован переменными, выражающими эгалитаристские установки, а также одну коммунитарную и одну иерархистскую установку — в последнем случае, вполне возможно, сыграло роль восприятие самой формулировки утверждения, которую можно читать как запрос на более жесткий контроль соблюдения социальных норм со стороны государства, а можно и как запрос на справедливое и равное отношение ко всем членам общества. В целом, как ни странно, данный фактор выражает скорее *патерналистский запрос на установление справедливости* в обществе и соответствует высокой организации по шкале «решетка». При этом групповой этос данного фактора обладает чертами, характерными для эгалитаристских установок.

Фактор 2 целиком состоит из иерархических установок: «Большинство проблем в обществе возникает из-за отхода от традиционной модели семьи, где мужчина работает, а женщина остается дома» (Н), «Мы слишком далеко зашли в продвижении равноправия в нашей стране» (Н), «Общество в целом стало слишком мягким и женоподобным» (Н). В целом он выражает довольно жесткие *патриархальные ценности* и соответствует «иерархическому» набору с принятием четких социальных предписаний и высокой ориентацией на замкнутость и сплоченность группы.

Фактор 3 сформирован двумя индивидуалистскими установками: «Правительственные постановления почти всегда являются пустой тратой времени и денег» (I), «Государство должно перестать диктовать людям, как им жить» (I). В целом, впрочем, эти утверждения скорее можно охарактеризовать даже не столько как индивидуалистские, сколько как *антиэтатистские*, поскольку они выражают неприятие вертикальных предписаний, однако никак не отражают отношения к степени групповой сплоченности.

Фактор 4 образуют эгалитаристские установки «Дискриминация в отношении различных меньшинств является очень серьезной проблемой в нашем обществе» (Е), «Родители должны учить маленьких мальчиков быть более чуткими, менее грубыми и жесткими» (Е). В отличие от первого фактора, который характеризует запрос на социальную, нормативную и имущественную справедливость и равенство, здесь утверждения касаются установок, которые в публичном поле принято относить к «леволиберальным», направленным *против гендерной и этнической дискриминации*. Однако в целом этот фактор соответствует эгалитаристским характеристикам неприятия жестких социальных предписаний и высокой групповой солидарности.

Наконец, фактор 5 образован еще двумя индивидуалистскими установками: «Мы должны позволить людям самим о себе позаботиться» (I) и «Индивидуальная прибыль – главная мотивация для усердной работы» (I). Данные установки ярко выражают культурный тип *индивидуализма*, базирующийся на принципах конкуренции и экономического либерализма, и хорошо согласуются с предпосылками культурной теории, согласно которым для данного типа характерны неприятие социальных предписаний и ограничений и слабая ориентация на группу.

Выводы

В данной работе мы попытались дать оценку устойчивости культурных установок в отношении рисков, как их предсказывает культурная теория риска М. Дуглас и А. Вильдавски. Проанализировав имеющиеся инструменты эмпирической проверки теоретических положений, мы выбрали несколько шкал, которые способны наиболее удачно измерить отношение членов локальных сообществ к утверждениям, составляющим содержание того или иного культурного типа.

Кроме того, для оценки устойчивости культурных предпочтений респондентов, вовлеченных в интенсивную коммуникацию, мы также разработали и апробировали оригинальную методику, основанную на сравнительной оценке устойчивости предпочтений относительно шкал, выражающих сущность четырех культурных типов.

Нам удалось установить, что культурные предпочтения респондентов остаются устойчивыми в отношении всех четырех типов и после интервенции (в виде активной коммуникации в фокус-группе), полученные результаты статистически надежны.

Что касается соответствия теоретических предположений эмпирически наблюдаемой взаимосвязи утверждений, выражающих основные шкалы культурных типов, то на основании результатов факторного анализа можно заключить, что полностью итоговая структура факторов не совпала с теоретической конструкцией: статистическая связь между реальными отдельными переменными (вопросами-утверждениями) оказалась несколько сложнее, однако при этом нельзя утверждать, что распределение переменных по факторам не поддается логике культурного подхода.

Нами выявлено пять факторов, из которых в трех случаях наборы переменных в целом соответствуют теоретически сконструированным культурным типам – «иерархистскому», «эгалитаристскому» и «индивидуалистскому», один смешанный «патерналистский» фактор (демонстрирующий черты иерархического и эгалитаристского типа) и один менее выраженный «антиэгалитаристский» фактор, демонстрирующий черты индивидуалистского типа.

Полученные результаты требуют дальнейшего изучения в части их влияния на отношение локальных сообществ к конкретным рискам, предпочитаемые коммуникативные практики, поведенческие реакции,

однако имеющиеся данные уже можно использовать для разработки и корректировки стратегий риск-коммуникации в отношении различных групп локальных сообществ в соответствии с их культурными типами.

Данное исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта №19-011-31646 «Факторы эффективной риск-коммуникации в локальном сообществе: политический, цифровой и структурный контекст (на примере экологического протеста)».

Список литературы

116

1. Douglas M. Natural symbols: explorations in cosmology. L., 1970.
2. Douglas M., Wildavsky A. B. Risk and culture: an essay on the selection of technical and environmental dangers. Berkeley, 1982.
3. Gastil J., Jenkins-Smith H., Silva C. Analysis of cultural bias survey items. New Mexico, 1995.
4. Johnson B. B., Swedlow B. Cultural Theory's Contributions to Risk Analysis: A Thematic Review with Directions and Resources for Further Research. Risk Analysis. 2019. doi: 10.1111/risa.13299.
5. Kahan D. M., Braman D., Gastil J. et al. Culture and identity-protective cognition: explaining the white-male effect in risk perception // Journal of Empirical Legal Studies. 2007. Vol. 4, №3. P. 465–505.
6. Kahan D. M., Braman D., Monahan J. et al. Cultural cognition and public policy: the case of outpatient commitment laws // Law and Human Behavior. 2010. №34. P. 118–140.
7. Kahan D. M., Braman D., Slovic P. et al. Cultural cognition of the risks and benefits of Nanotechnology // Nature Nanotechnology. 2009. Vol. 4, №2. P. 87–91.
8. Kahan D. M. Cultural cognition as a conception of the cultural theory of risk // Handbook of risk theory: Epistemology, decision theory, ethics, and social implications of risk / ed. by S. Roeser, R. Hillerbrand, P. Sandin, & M. Petersen. Dordrecht, 2012. P. 725–759.
9. Lupton D. Risk. N. Y., 2013.
10. Marris C., Langford I. H., O'Riordan T. A quantitative test of the cultural theory of risk perceptions: comparison with the psychometric paradigm // Risk Analysis. 1998. Vol. 18, №5. P. 635–647.
11. Sjöberg L. Explaining risk perception: an empirical evaluation of cultural theory // The earthscan reader in risk and modern society / R. E. Löfstedt, L. Frewer (eds.). L., 1998. Vol. 2. P. 115–132.
12. Social theories of risk and uncertainty: an introduction / ed. by J. Zinn. Oxford, 2008.
13. Swedlow B., Ripberger J. T., Liu L. Y. et al. Assessing the validity of different approaches to operationalizing cultural theory in survey research : paper presented at the Annual Meeting of the Midwest Political Science Association. Chicago, IL, 2016.
14. Swedlow B., Ripberger J. T., Liu L. Y. et al. Culture war? A theory and evidence of cultural conflict, coalition, and change in the US : paper presented at the Annual Meeting of the American Political Science Association. Philadelphia, PA, 2016.

Об авторах

Ефим Сергеевич Фидря — канд. соц. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: EFidrya@kantiana.ru

Ольга Олеговна Фидря – мл. науч. сотр., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: OFidrya@kantiana.ru

The authors

Dr Efim S. Fidrya, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: Efidrya@kantiana.ru

Olga O. Fidrya, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: Ofidrya@kantiana.ru